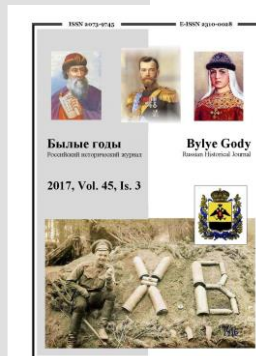

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 1044-1062, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.1044
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(470+98)

Ethnopolitical Landscape of Arkhangelsk Governorate at the turn of the century: the end of XIX – the beginning of XX centuries (based on the materials of the diocesan press)

Il'ya F. Vereshchagin ^{a, *}, Maksim Y. Zadorin ^a

^aNorthern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Russian Federation

Abstract

This article is based on analysis of an extensive array of historical documents, scientific literature and journalism, in particular the diocesan press of the XIX – early XX century, on the assessment of the ethnopolitical landscape of the Arkhangelsk province at the turn of the century. The authors focus their attention on the historical, social, religious and legal prerequisites for the formation of the ethnopolitical landscape of the Arkhangelsk Governorate, which was home to four imperial “inorodtsy” ethnic groups: the Saami, the Karelians, the Nenets and the Komi. The authors, on the basis of the official press of the local diocese, represent the theoretical concept of the involvement of “inorodtsy” in the general socio-cultural and internal political space of the Empire. The article analyzes the way of life of the indigenous population, mode of life, customs, social stratification, ethnocultural specifics, worldview and religious and other characteristics, as well as interaction with the Russian (Slavic) population, officials and church apparatus. The localization of the research component on one of the largest historical territories of the Russian North and the Russian Arctic makes it possible to examine more narrowly and in detail the provincial ethnocultural specifics. The retrospective analysis allows looking at the ethnopolitics of modern Russia taking into account regional specialization. The ethno-cultural issues considered in the article are of fundamental importance in connection with the socio-political and historical-legal discussion on the issue of the cultural collective rights of small ethnic groups: indigenous peoples and national minorities. Particular attention is paid to the historical experience of the work of the Orthodox clergy to “incorporate” local ethnic groups into the all-Russian spiritual space in order to promote the territorial and cultural unity of Imperial Russia.

Keywords: Arkhangelsk Governorate, inorodtsy, ethnopolitics, Arctic, indigenous peoples.

1. Введение

Этнополитика сегодня является одним из наиболее важных стратегических направлений единой государственной политики современной России. Полиэтнический состав населения страны диктует необходимость учитывать различные особенности хозяйственно-бытового и социокультурного компонентов разных этносов. В том числе следует учитывать и конфессиональный состав населения. Данные задачи, конечно, возникли не сегодня, еще в XIX – начале XX вв. государство вырабатывало дифференцированную политику в отношении «разностатусных» этносов, населявших сложносоставную страну. На местах, в губерниях местные администрации и различные правительственные учреждения (в том числе Ведомство православного вероисповедания) вынуждены были сталкиваться непосредственно с этносами, имеющими свои специфические особенности. Связано это было, прежде всего, с тем, что территориальная политика Российской Империи еще с XVIII века была направлена на формирование крупных автономных региональных образований,

* Corresponding author

E-mail addresses: i.vereschagin@narfu.ru (I.F. Vereshchagin), m.zadorin@narfu.ru (M.Y. Zadorin)

которые в обмен на делегирование им властных полномочий отвечали лояльностью центральной власти, что позволяло сократить издержки государства на поддержание территориальной целостности (Goldin et al., 2015a: 861).

Архангельская губерния была одной из самых обширных административных единиц дореволюционной России с очень редким населением: по данным 1907 г. на 842 531 квадратный километр всего 427 956 жителей. Она раскинулась от Кольского полуострова на западе до северного Приуралья на востоке. Исконно на данной территории проживали разные этносы: русские, ненцы, коми, карелы, саамы (не говоря уже про различные этнографические группы). Несмотря на относительно небольшой процент нерусского населения, оно уже в конце XIX – начале XX вв. являлось важным фактором внутренней и внешней политики страны. На 1907 г. по данным полиции в Александровском уезде губернии проживало 1 797 саамов, 199 коми и 48 ненцев из 11 256 всего населения уезда; в Кемском уезде – 9 769 карел из 42 242 всего населения уезда; в Мезенском уезде – 1 448 ненцев из 30 366 всего населения уезда; в Печорском уезде 4 645 ненцев и 25 816 коми из 42 537 всего населения уезда (Памятная книжка, 1908: 70–71). Авторы публикации опираются на официальные документы, научную литературу и публицистику XIX – начала XX вв., в которых перечисленные этносы обозначались другими этнонимами. Для того, чтобы не путать читателя, в дальнейшем мы будем употреблять именно аутентичные для того времени названия: саамы – лопари, карелы – корелы, коми – зыряне, ненцы – самоеды. Также не будет лишним отметить, что де-юре все четыре указанных этноса носили различный правовой статус в Российской Империи (в соответствии с «Уставом об управлении инородцев» 1822 года (Полное собрание..., 1849) и «Положением об Инородцах» в «Своде Законов Российской Империи» 1897 года (Положение об инородцах, 1892). Корелы и зыряне (за исключением оленеводов) в общей своей массе относились к «оседлым инородцам», а лопари (Рубан, 2007: 44–49) и самоеды – к «бродячим» (Гоголев, Маякунов, 2014: 150–152). Как отмечает в своих трудах П.И. Кёппен: «1851 г. Июля 13. По Высочайше утвержденным правилам нового устройства земских повинностей, инородцы Архангельской губернии – Самоеды и Лопари не подвергаются никакому на общие по Империи или государственные земские повинности сбору» (Кёппен, 1861: 359). В свою очередь «оседлые» занимались торговлей, промыслами, земледелием, были приравнены в правах к россиянам. Более того, те, кто исповедовали христианскую веру официально не отличались от россиян «никаким особым названием». Те, кто проживал в деревнях, считались «государственными крестьянами», а единственным их отличием от крестьян европейской части Российской империи было освобождение от рекрутской повинности (Ефимова, 2016: 111–119).

2. Материалы и методы

Выбор главного источника информации для данной статьи не случаен. Епархиальная пресса служит отражением мнений, чаяний и беспокойств духовенства, которое по долгу своей службы касалось не только чисто религиозных проблем, но и этнополитических. «Архангельские епархиальные ведомости» (далее – Епархиальные ведомости) – это журнал для духовенства и мирян Архангельской епархии (соответственно – губернии), издававшийся при местной духовной семинарии с 1888 по 1920 гг. (ГААО, Ф. 29. Оп. 1. Т. 2. Д. 2119. Л. 2–4). Номер состоял из двух частей: официальной (для публикации различных документов и постановлений) и неофициальной (для статей, заметок и объявлений), которая в изучаемом нами вопросе наиболее интересна. Епархиальные ведомости в обязательном порядке выписывались всеми приходами и монастырями епархии. А авторами издания становились различные представители духовенства и мирян не только из губернского центра, но и из уездов. Тематика статей неофициальной части была разнообразной, в том числе на страницах Епархиальных ведомостей появлялись различные описания приходов епархии, исторические обзоры, заметки о происшествиях, воспоминания и дневниковые записи. Среди материалов на духовно-просветительскую тематику нетрудно отыскать размышления, касающиеся социально-политической, социокультурной и этнополитической сфер.

В интерпретации фактов и суждениях авторы статьи исходил из многофакторного объяснения истории, согласно которому происхождение и развитие этнополитических процессов и явлений рассматривается как результат взаимодействия различных факторов: социального, политического и религиозного характера. В работе использовались специально-исторические (проблемно-хронологический, сравнительный, типологический) методы и методы смежных наук. В частности в изучении этнополитического ландшафта Архангельской губернии на фоне внутривнутриполитической и внешнеполитической ситуации был также использован политологический анализ.

3. Обсуждение

Этнополитический ландшафт арктических территорий России как в современном, так и историческом контекстах, уже давно стал крайне актуальной проблемой в отечественной науке. Одним из самых известных трудов на эту тематику является книга профессора Калифорнийского университета в Беркли Юрия Слёзкина «Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера» (Слёзкин, 2008: 119–147). Несмотря на то, что автор широко раскрывает историю взаимоотношения

государственной власти и коренных народов Севера, малочисленным этносам, населявшим именно Архангельскую губернию, он уделяет крайне мало внимания.

В 2016 г. вышла очень основательная коллективная монография «Российская Арктика в поисках интегральной идентичности» (Подвинцев, 2016: 27–66). Однако тема этнополитического ландшафта Арктики в исторической ретроспективе выглядит довольно обзорно. Авторы не раскрывают подробности жизни коренных народов Арктики (в частности территории Архангельской губернии) на рубеже XIX – начала XX вв.

В последние годы был опубликован ряд статей на близкую тематику, рассматривающих данную проблему как с позиции государственной, так и церковной власти (например, В.И. Юдина (Юдин, 2012: 29–33), Л.Н. Беленчук (Беленчук, 2007: 80–101), В.Г. Трофименко (Трофименко, 2009: 28–33) и др.). Но этнополитический ландшафт Архангельской губернии на рубеже веков (конец XIX – начало XX вв.) с использованием материалов местной епархиальной прессы еще не становился предметом отдельного изучения.

4. Результаты

Лопари в Александровском уезде

Жизнь лопарей редко становилась темой для публицистических заметок авторов епархиальной прессы. Чаще описывались отдельные приходы или приходские школы Александровского уезда, в подобных материалах лопари упоминались лишь постольку, поскольку исконно населяли эту землю. Вместе с тем, и в них можно почерпнуть немного об отношении православного духовенства к коренным жителям.

Чаще всего лопари представляются «добрыми христианами», которые, безусловно, являются чадами православной церкви. Утверждается, что уже в XVI в. они сами стали стремиться к христианской вере (И.Ш., 1889: 317). С середины XVIII в. все русские лопари считались православными христианами. Однако, как это часто бывало и бывает не только с инородцами, но и с русскими, истинными православными они не становились. Не хватало элементарных знаний и практики. Авторы епархиальных ведомостей редко критикуют лопарей за это, но все же периодически замечают, что у них и в конце XIX в. сохранились языческие традиции (Козмин, 1900: 270). Известный российский этнограф Н.Н. Харузин, занимавшийся изучением их жизни, отмечал, что скандинавские лопари в отличие от российских могут быть названы не только «добрыми», но еще и «грамотными христианами». Он утверждал, что «суеверий у скандинавских лопарей гораздо меньше, чем у их русских собратий, отношение к церкви гораздо сознательнее» (Харузин, 1890: 135). Вероятно, это объясняется более успешной христианизацией в Скандинавии, нежели на Кольском полуострове в XIX в. Толерантность к саами, которые занимались скотоводством в районах, не пригодных для культивации сельскохозяйственных культур, была обусловлена идеологией скандинавского физиократизма, что, возможно, отчасти, и обусловило успешность скандинавской христианской миссии среди лопарей (Goldin et al., 2015b: 520).

Проблемы распространения православия среди лопарей отмечают и авторы епархиальных ведомостей. Долгое время не удавалось открывать профильные приходы в Александровском уезде, в том числе из-за того, что причт не знал лопарского языка (Z., 1917: 51–56). Элементарно некому было работать с иноэтничным населением. Знание местными жителями русского языка ещё не гарантировало понимание основ православия и его обрядовой стороны.

Еще одной существенной проблемой христианизации коренного населения были суровые природные условия. Александровский уезд пустеет на зиму; «остаются лишь постоянные жители становищ Мурмана и прибрежных русских селений, а внутри полуострова лопари со своими стадами оленей» (Керский, 1889: 426). С остальной Россией прерывается сношение на семь месяцев и более. Один из авторов драматично замечает: «Лопари издавна были пасынками в семье прочих народов, проживая в северо-западной части Европы, среди холодных и пустынных равнин и болот, которые известны под именем «Лапландия». Суровая и холодная природа принуждала лопарей заботиться, главным образом, об удовлетворении своих телесных потребностей, а гнет и насилие более культурных народов надолго удерживали их в язычестве, близко подходящем к их незамысловатому быту» (Пазрецкая церковно-приходская школа..., 1903: 444). Большие расстояния от одного населенного пункта до другого, отсутствие нормальных, постоянных путей сообщения, малочисленное население, скудные условия труда – все это следовало преодолевать для того, чтобы удержать лопарей не только в лоне церкви, но и в рамках государства.

Здесь, на границе со скандинавскими странами, миссионерская и катехизаторская деятельность православной церкви приобретала и государственный оттенок. Разделенный границами народ лопарей мог потенциально стать поводом, или даже средством, к переделу тех самых границ, если бы одному из государств удалось перетянуть на свою сторону, подчинить своему влиянию весь этнос. Но если обратиться к тому же Н.Н. Харузину, то можно сделать вывод, что лопарский этнос уже тогда не был единым. По его мнению, «вооруженные же столкновения соседних, подчинивших себе лопарей народов (русских, шведов и норвежцев) друг с другом не оказывали почти никакого влияния на лопарей: лишь некоторые области Лапландии, составлявшие спорные участки между соседними государствами, переходили из рук в руки и оставались сравнительно недолго под властью

победивших» (Харузин, 1890: 23). Следовательно, вполне можно разделить лопарей в этнографическом смысле на группы: норвежскую, шведскую и русскую (в том числе ставшие предметом «пограничного торга»: нявдемские и пазрецкие лопари (Zaikov, 2016: 1169)), которые в историческом смысле пошли разными путями. Причем в рамках «русской» группы лопарей нельзя не выделить и финский компонент, являвшийся элементом «защиты прав российских подданных на норвежской территории» во время финско-норвежского спора о трансграничных промыслах на российско-норвежской границе 1830–1850-х гг. (Zaikov, Tamitskiy, 2016: 638).

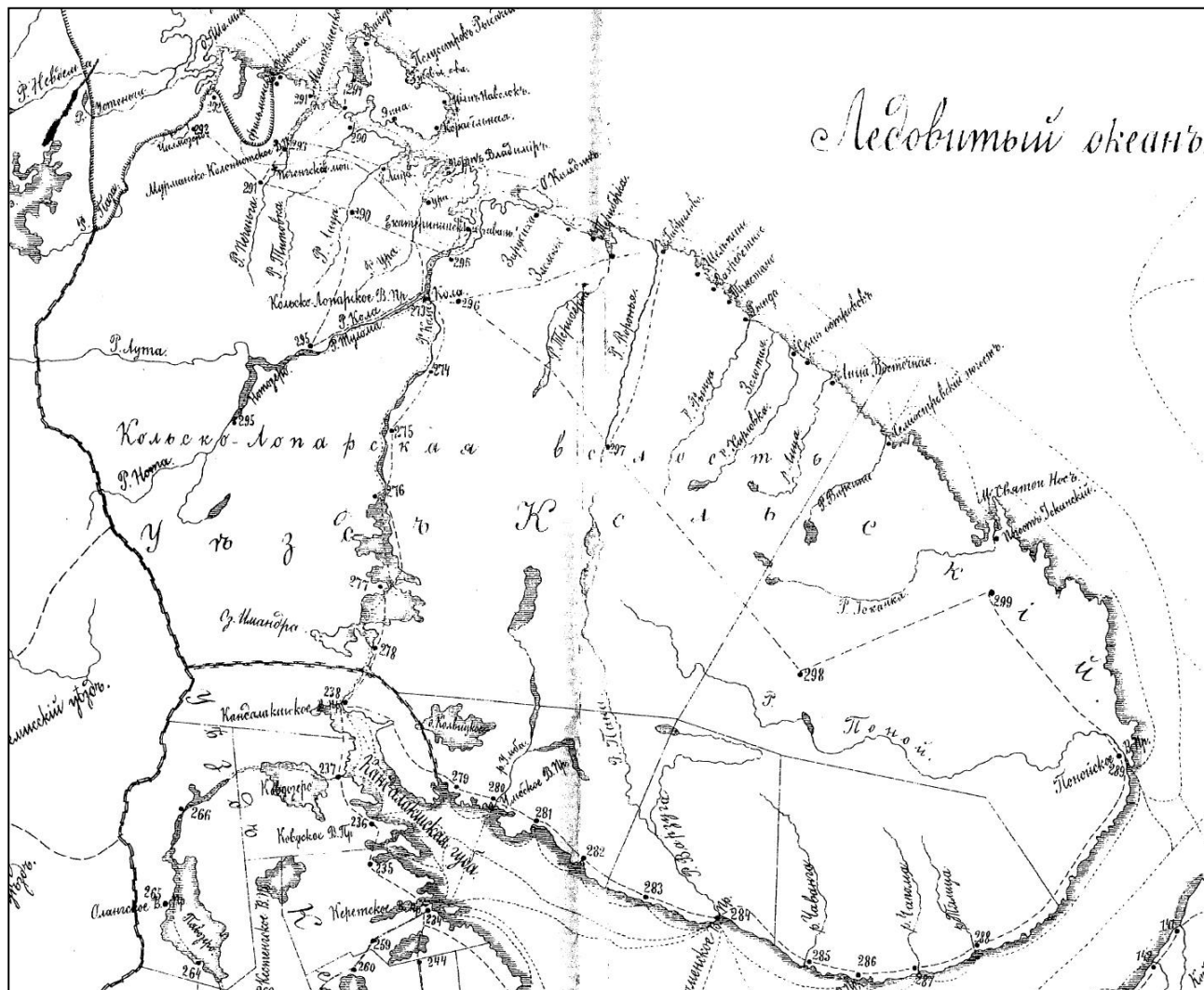

Рис. 1. Карта Александровского уезда Архангельской губернии

Различия отмечают и авторы епархиальной прессы. Например, утверждается, что все российские лопари говорят по-русски, тогда, как среди лопарей соседней Норвегии немногие говорят по-норвежски, несмотря на все старания, которые прилагают норвежцы к распространению своего языка и культуры среди местных коренных жителей. С другой стороны, качество жизни тоже отличается. Один из священников заявляет, что «пазрецкие лопари, населяющие нашу границу на Севере и отовсюду теснимые норвежцами и шведами, наиболее бедные среди своих соплеменников и действительно нуждаются в помощи» (С.В.М., 1911: 516). Хотя подобное разделение все же характерно именно для XIX в. В силу своей традиции лопари кочевали, не представляя каких-то государственных границ. Вплоть до 1826 г., когда была установлена российско-норвежская граница, существовала неопределенность для лопарей, населявших порубежные погосты (Нявдемский, Пазрецкий, Печенгский) (Goldin et al., 2015b: 520–522, 524–527). С четким разграничением территории пути групп данного этноса разошлись.

Но, тем не менее, российское государство издавна было заинтересовано в закреплении данной территории за собой. И даже после официальной демаркации не стоило успокаиваться. Поскольку задач у державы было слишком много, а ресурсов (в том числе людских) слишком мало, она рассчитывала на помощь православной церкви. Не раз в истории России церковь несла не только просветительскую функцию, но и политическую. С одной стороны, распространение православия

среди коренных народов включало их в общее социокультурное пространство России. С другой – клирики выполняли задачи администраторов, а монастыри и приходы – форпостов на пограничных территориях. Пожалуй, одним из главных выражений этого являлся Печенгский монастырь.

После своего упразднения Екатериной II монастырь был восстановлен лишь в 1886 г. В свое время на нужды северного края обратила особое внимание комиссия, созданная при архангельском губернаторе Н.М. Баранове. Она признала возобновление духовной жизни Печенгского монастыря весьма полезным не только для улучшения быта лопарей, но и для удовлетворения религиозно-нравственных нужд рыбопромышленников Мурманского берега, которых в летнее время насчитывалось в количестве нескольких тысяч. Архангельские светские и духовные власти возлагали на воссоздаваемый, пограничный монастырь большие надежды. По их мнению, он своим влиянием должен был не дать лопарям «увлечься учением Лютера и Кальвина, к чему делались не раз попытки из Финляндии, Швеции и Норвегии, соседних с Лапландией лютеранских стран» (Козмин, 1901: 384).

С. Керский в своем обзоре на страницах Епархиальных ведомостей прямо пишет о воссоздаваемой Печенгской обители: «Она должна стать оплотом православия против возможного вторжения на русскую почву иноверных учений с запада, со стороны норвежской границы» (Керский, 1889: 428). Каждый год на эту территорию помимо православных работников-промысловиков приходили последователи «разных лжеучений и сект», что конечно вызывало беспокойство духовенства, в том числе за верность лопарей православию. Но, что более интересно, автор видит опасность не только в норвежцах и финнах, но и в заграничных лопарях. Кочующие внутри Кольского полуострова местные жители нуждались, по его мнению, в ограждении их от «неправославных влияний и примера со стороны протестантствующих соплеменников их по ту сторону русской границы...» (Керский, 1889: 429). Опасность для православной церкви и государства очевидна – если российские лопари стали бы массово отходить от православия к протестантизму, то это, безусловно, способствовало бы консолидации разделенного государственной границей этноса. А консолидация лопарей на основе западного протестантизма, конечно, не гарантировала лояльность коренных жителей Кольского полуострова российскому государству.

Проникновению протестантизма и различного рода западных «сект» способствовала, как ни странно, политика самого российского государства. В целях заселения Мурманского берега оно поощряло колонизацию не только русскими, но и норвежцами и финнами (Бардилева, Грашевская, 2014: 238). Количество колонистов не было велико, на 1915 г. в Александровском уезде в числе колонистов насчитывалось только 486 человек норвежцев, финнов и фильманов (лопарей-протестантов) (Памятная книжка..., 1915: 53). Однако их влияние, в том числе через религию, не могло не тревожить местное духовенство. На страницах Епархиальных ведомостей даже встречается новость об одном неприятном случае. В праздник Крещения Господня в 1908 г. «толпа финнов и норвежцев производила всевозможные безобразия, чтобы унижить в глазах простодушных лопарей обрядность православной церкви. <...> Легко представить, к чему могут привести выходки инородцев, подобных описанной, на наших православных лопарей, живущих на далекой окраине» (N., 1908: 174–175). Иностранцам и иноверцам приписывались разного рода бесчинства и в церкви, и во время обряда на воде. Впрочем, впоследствии на страницах того же издания вышел комментарий, несколько оправдывающий норвежских и финских колонистов (К корреспонденции..., 1908: 512–515). Вместе с тем, стоит согласиться с автором заметки о происшествии. Появление в Александровском уезде иностранцев с иными религиозно-нравственными взглядами, конечно, могло способствовать зарождению в местных лопарях сомнения, а затем и критики православия.

В итоге, внимание православной церкви к жизни лопарей на далеком севере можно объяснить не только заботой о просвещении коренных народов, но и чисто политической задачей – сохранением данной территории в рамках единого с Россией социокультурного пространства. Вероятно, не духовенство ставило подобную задачу, а государство, которому в юридическом смысле церковь подчинялась.

Корелы в Кемском уезде

О корельских поселениях публицисты Епархиальных ведомостей отзывались весьма не лестно (был целый ряд очерков о местных приходах). Население обычно изображалось малограмотным или безграмотным, часто не знающим русского языка, сохранявшим языческие представления, не обладающим знаниями ремесел (N., 1908: 532), массово практикующим сожительство, в том числе несовершеннолетних (Ручьев, 1914: 264–266). Удручающим было социально-экономическое состояние. С наступлением осени многие корелы уходили в Финляндию для торговли вразнос и на другие виды работ. Отхожий промысел являлся почти единственным источником добывания средств для поддержания себя и своего хозяйства. Авторы часто отмечали нехватку культурно-просветительских учреждений, и, пожалуй, главной проблемой называли отсутствие нормальных дорог, которые позволили бы заниматься миссионерством, и развивать экономику в регионе.

Современные историки, например, М.В. Пулькин (Пулькин, 2005: 107–125), отмечают, что государственная этнонациональная политика в отношении корел, носившая характер русификации, имела три различных вектора (модели) своего развития, нередко противоречащих друг другу. Первая модель носила ярко выраженный религиозный характер и была связана с распространением

православия и приобщением корел к русской культуре, в том числе путем подготовки священников, знающих корельский язык, и переводом религиозной литературы на язык местного сообщества. Вторая модель была связана с системой образования в целях преодоления языкового барьера между местным населением и чиновниками: Закон Божий был обязательной частью минимальной образовательной программы. Третья модель – политика поддержки на начальном этапе местного наречия в целях дальнейшего его искоренения и переход на государственный язык.

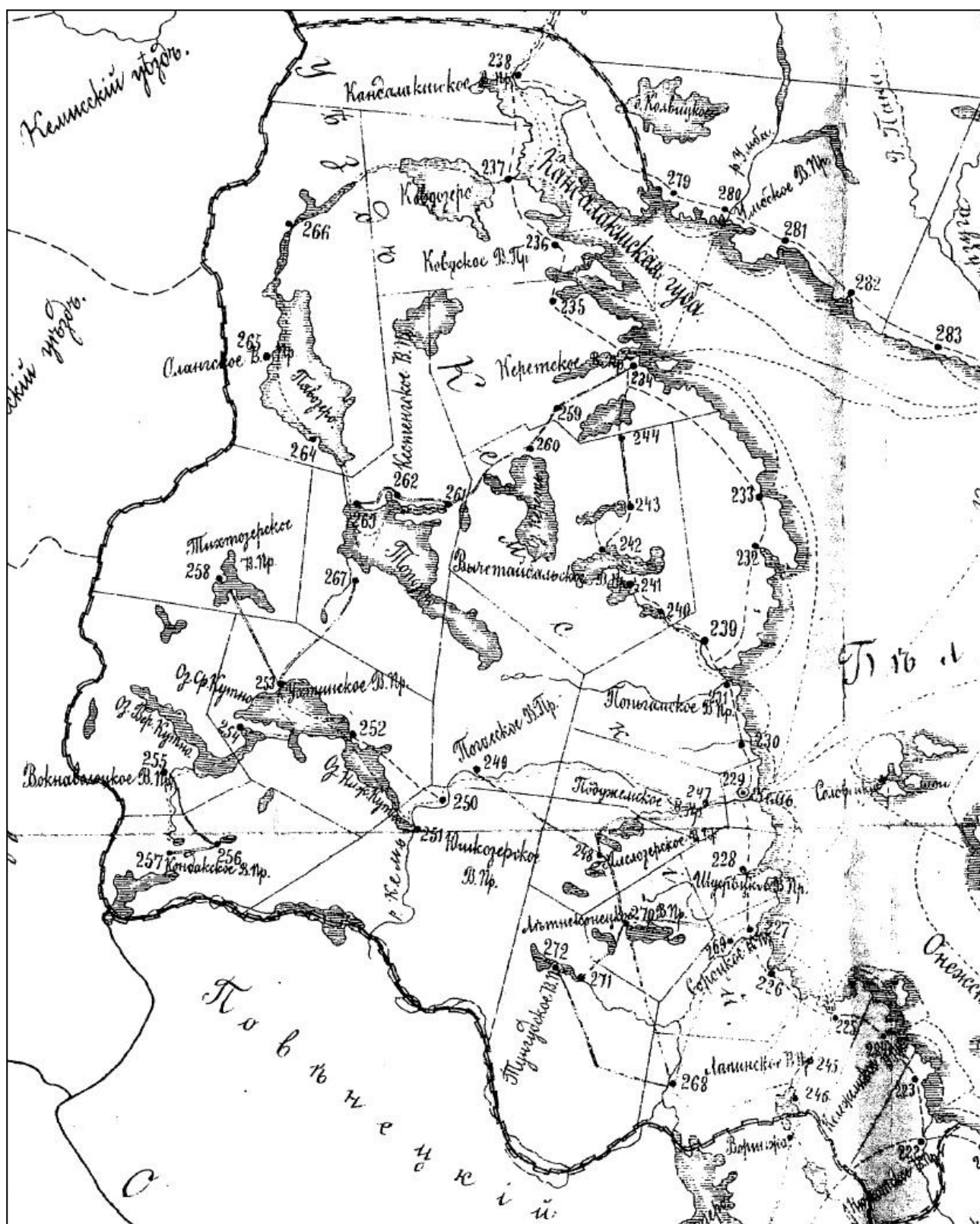

Рис. 2. Карта Кемского уезда Архангельской губернии

Вместе с тем, намного быстрее, чем православная миссия, сюда проникало протестантство из соседней Финляндии. Это происходило благодаря проповедникам, переходящим через административную границу, и близости финской и корельской культур. На страницах епархиальной прессы описывались не только победы миссионерского дела, но и неудачи и тревоги. Примером подобной постоянной угрозы может служить секта «ушковайзет» (верующие, или «ойкие криститту» – истинные христиане), получившая распространение в Ухте и ряде других населенных пунктах Карелии, начиная с 1870-х гг. (Из Кемского уезда..., 1888: 77–79). По одной версии, ее основателями стали четыре плотника-финна, открывшие в Ухте собственное дело и попутно распространявшие свои рационалистические взгляды на жизнь. По другой версии, новые взгляды в Архангельскую губернию завезли местные корелы, занимавшиеся в Финляндии отходничеством и познакомившиеся там, по-видимому, с лестадианством. Представителей данной секты было крайне мало: на конец XIX в. насчитывалось всего лишь несколько десятков в разных населенных пунктах. Можно было предположить, что официальная статистика не в состоянии показать истинное число сектантов, однако важно отметить, что представители данного религиозного направления несильно и скрывались от гражданских и церковных властей. Поначалу было организовано следствие против первых последователей. Но в итоге разбирательства секта была признана лютеранским «исповеданием, с некоторыми лишь отклонениями от оногo» (А. М-в., 1896: 311). Поэтому государство в дальнейшем не подвергало преследованию «истинных христиан», но местное духовенство продолжало с ними бороться.

По учению сектантов для достижения спасения достаточно одной веры. По их мнению, истинно верующие только те, которые принадлежат к данному религиозному направлению, а остальные – идолопоклонники и антихристы. Вместе с тем, они не относились агрессивно к православным или духовенству. Вполне мирно «верующие» завлекали в секту новых последователей. Большое практическое значение имели убежденное трезвенничество и благочестие членов секты.

Проблема, на первый взгляд религиозная, приобретала в глазах местной церковной и светской власти гораздо больший размах. Под распространением лютеранского протестантизма и переходных сектантских форм веры могла скрываться панфинская пропаганда. Рост самосознания финского населения в конце XIX в. захватывал и ближайших соседей – корел, представители которых по торговым делам бывали в Финляндии. Благодаря единицам неопитов панфинское движение могло проникнуть на всю территорию Карелии (как в Архангельской, так и Олонецкой губерниях). В результате священник должен был становиться в душе и работе не только миссионером, но и государственным. Авторы епархиальной прессы были убеждены, что «Ушковайзет» не имеет отечественных корней, а является привнесенной из Финляндии, Швеции и Норвегии. Проблемой для православного духовенства был успех работы протестантских проповедников и финноязычных школ для корел в конце XIX – начале XX вв. (Яловицкая, 2001: 61). Через год проживания в Финляндии, почти каждый корел вполне усваивал финский язык и отчасти шведский. Некоторые приходские священники отмечали, что «русскую речь в среде корел приходится слышать очень редко, хотя большая часть мужчин знает русский язык, но корелки, за редким исключением почти не знакомы с ним» (Юшкан-ярвен паппи, 1912: 134). Финскому проповеднику или корелу из «Ушковайзет» всегда было проще найти общий язык с местным населением и проповедовать, чем православному батюшке, не умевшему говорить по-корельски и не имевшему соответствующей духовной литературы. Масштабы распространения старообрядчества в Карелии епархиальное начальство оценивало скромно, но отдельные авторы противоречили официальной версии: «Все они значатся православными, но приходского храма и богослужения не посещают, у исповеди и причастия большинство не бывало никогда, иные же и в церкви совсем не бывали от роду»; «Все корелы осеняют себя крестным знаменем двуперстно» (А.Е., 1902: 802). Осознавая проблему, официальная церковь искала пути ее решения. С середины XIX в. создаются новые приходы и строятся храмы. В церковно-приходских школах с учениками проводятся специальные беседы (НАРК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 85/5. Л. 346). Однако интенсивная христианизация населения наталкивалась на определенные трудности. Одной из главных проблем были языковые различия. Церковнославянский язык, используемый при богослужении в православной церкви, не способствовал катехизации корелоязычного населения. При попытке перевода богослужения оказывалось, что некоторые слова не имеют аналогов, поэтому в итоге получалось смешение языков (НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 102/1. Л. 191–192). К тому же миссионеры призывали священнослужителей Беломорской Карелии учить местный язык, чтобы проще понимать свою паству. В «Олонецких епархиальных ведомостях» регулярно публиковали священные тексты на русском и карельском языках. Другой трудностью оказывались огромные пространства, отделяющие церковь от прихожан в поселениях. Часто местные жители не могли преодолевать эти расстояния, а клирики совершали религиозные обряды, иногда с большим опозданием (Пулькин, 2014). Кроме того, и состояние приходских храмов оставляло желать лучшего, что не могло поддерживать авторитет православной церкви.

В итоге, катехизация карельского населения Архангельской губернии оказывалась напрямую связана с этнополитическими и языковыми проблемами. Отсутствие крепких социально-экономических и этнорелигиозных связей с центром региона и наличие подобных связей с Финляндией грозило в перспективе потерей Карелии. Особенно эта опасность была осязаема в период революционных потрясений.

Иногда ижемцы оказывались даже более верными официальной церкви, чем иные русские. Епархиальный миссионер Павел Ильинский отмечал в одной из своих заметок, что приход в Усть-Цильме весь заражен расколом, и прихожанами могут считаться только уездные чиновники и ижемцы, которые не забывают посещать церковь (Ильинский, 1892а: 303). Он же уверенно сообщает, что на всем протяжении реки Ижма зырянское население «чисто православное» (Ильинский, 1892b: 400), что по его словам подтверждается состоянием приходов и конкретно храмов. Впрочем, в этом можно и усомниться. Так, местный благочинный Василий Новиков, прожив несколько лет среди зырян и познакомившись с населением поближе, замечал, что в кажущейся религиозности есть очень много внешнего и показного. И сегодня среди разноэтничной паствы православной церкви в России распространена эта характеристика – в погоне за соблюдением внешней, обрядовой стороны прихожане зачастую не только не соблюдают христианские установки, но и просто их не знают (Кураев, 1996). «Обрядоверие» (духовное невежество) вместо осознанной духовной культуры, является латентным фактором социокультурной нестабильности, приводит к утрате традиционных ценностей, опору на которые делает современное российское государство в своих стратегических документах (Zaikov et al., 2017).

Более искренней религиозностью, по мнению авторов Епархиальных ведомостей, отличались зыряне-оленоводы. Почти три четверти года они со своими стадами находились в тундре, где не было различных соблазнов современного им общества, и где суровая природа периодически подталкивала их к обращению к Богу в трудной ситуации. Хотя тяжелый труд в непредсказуемых условиях провоцирует не только веру в Бога, но и различные суеверия, которые выявлялись и у зырян. Положительно, как самая лучшая религиозная черта, в зырянском населении отмечалась любовь поминать своих умерших родных. Примечательно, что духовенство видело в этом проявление христианства, а не пережиток языческих времен с культом предков. Видимо, никакой опасности для православной церкви это явление не представляло.

На страницах Епархиальных ведомостей складывается противоречивый образ зырянина. С одной стороны, периодически отмечаются положительные стороны быта и развития местного населения. Так, один из авторов пишет: «В отношении умственного развития печорцы могут считаться стоящими гораздо выше жителей других губерний России...» (Печорский край..., 1904b: 828). Весьма громкое заявление, не содержащее обоснованных доказательств. Но все же сомневаться в просвещении данного края не приходится: оно также происходило посредством церкви, силами миссионеров, священников-педагогов. «Христианские проповедники стремились воздействовать на духовную и материальную жизнь представителей «малых народов» – их мировоззрение, традиции, обычаи, уклад жизни и т.д.» (Городничева, 2011: 125–126). На момент конца XIX – начала XX вв. вряд ли стоит говорить о каком-либо специфическом подходе к просвещению зырян. В этом отношении они уже не отличались от русского населения.

Существенного культурного, и, в частности, языкового барьера священнослужители не замечали. Наоборот, считалось, что зыряне очень способны к восприятию русского языка, а почти все русские, прожившие в данной местности некоторое время, начинают говорить по-ижемски. Собственно особенный ижемский диалект языка коми возник у местных зырян «в результате длительного межэтнического смешения и этнокультурного взаимовлияния с существенными заимствованиями в лексике из русского и ненецкого языков» (Шабаев и др., 2010: 135). Помимо этого, постепенно происходившие изменения в традиционном хозяйстве зырян привели к тому, что они не сильно отличались от местных русских в экономическом смысле. Несмотря на непростые условия жизни, ижемцы оставались работать в Печорском крае. Обычая уходить в отделенные места для прилюдия своего труда, как это делали в других частях страны (в том числе в других частях Архангельской губернии), не было.

Вместе с тем, местное духовенство отмечало и негативные черты самосознания зырян. Местный священник называл зырян весьма самолюбивыми и мстительными. Среди данного народа он отмечал такие осуждаемые явления, как сутяжничество, пьянство, воровство (Новиков, 1902: 720). Однако, вероятно, данные черты были развиты у местных зырян не больше, чем у местных русских.

Ижемцы считались очень энергичным, предприимчивым и работающим народом, «оборотистыми» людьми (Квашнин и др., 2006: 284). Постепенно они расширили территорию своего обитания. Для наиболее успешных ижемцев основой хозяйства стало оленеводство, которое они заимствовали от соседних самоедов. При этом они подошли к делу, видимо, более обстоятельно, чем самоеды. «Способы хозяйствования ижемцев оказались более эффективными, чем у ненцев Большеземельской тундры, а также Кольских саамов и хантов» (Шабаев и др., 2010: 135). Они заготавливали продукцию оленеводства и торговали ей далеко за пределами родного края. Постепенно ижемские зыряне подчинили себе самоедов, большая часть стад находилась в их руках. Один из авторов Епархиальных ведомостей наравне с положительной характеристикой данного народа как «деятельного и предприимчивого» отмечает, что сделки зырян не отличаются добросовестностью. «Благодаря чему они, путем векового обмана, не только стали хозяевами самоедских оленьих стад, но успели вместе с пустозерцами, захватить в свои руки самоедские рыбные и другие промыслы и поставить самоедов в полную экономическую зависимость, являются в

настоящее время фактическими хозяевами тундр» (*Печорский край...*, 1904а: 727). Получив такую власть, зыряне неожиданно столкнулись в своих интересах с православной церковью.

В первой половине XIX в. под руководством архимандрита Вениамина (В.Н. Смирнова) происходило духовное просвещение самоедов, приобщение их к православной вере. Совершенно неожиданно миссия встретила сопротивление со стороны мезенских мещан и зырян. Они имели у себя в подчинении самоедов в качестве пастухов оленьих стад и опасались, что те, приняв православную веру и крещение, перестанут им служить. Поэтому богатые зыряне старались удержать самоедов от принятия христианства. По словам архимандрита Вениамина, русские и зыряне угрожали самоедам, что оставят их и не будут давать им пищи, если те примут православие. Вениамин прикладывал все усилия, чтобы публично обличать русских и зырянских хозяев. Русские и зыряне-оленеводы также распускали между самоедами слухи о том, что якобы с принятием православия самоедов лишат кочевьев, припишут к русским населенным пунктам, будут забирать в солдаты, а детей отдавать в солдатские школы (*Кулаков, 1915: 206*). Подобное странное, на первый взгляд, поведение православных хозяев (русских и зырян) объясняется просто. Хозяева прекрасно понимали, что, если самоеды примут православие, это постепенно будет приводить к повышению их грамотности и самостоятельности. Вследствие чего, хозяева могут лишиться даровых работников в лице бедных самоедов. Кроме того, русские и зыряне вели выгодную торговлю различными товарами с зажиточными самоедами, при которой в виду их неграмотности и увлечения водкой обвешивали и обсчитывали самоедов.

Миссионеры во главе с архимандритом Вениамином вынуждены были прибегнуть к помощи местной администрации, которая предупредила хозяев (русских и зырян) о том, что за распространение ими ложных слухов среди самоедов они будут привлечены к суду. Самоедам четко объяснялось, что все слухи, распространяемые их хозяевами, ложны. После этого ситуация несколько поменялась, противодействие сократилось. Впрочем, один из авторов епархиальных ведомостей, преподаватель духовной семинарии В.А. Шульгин отмечал, что некоторые хозяева оленьих стад изменили отношение к крещению самоедов неспроста. Уговорив молодых самоедов принять православие, они записывали их в свои семьи под своей фамилией, чтобы затем отдать их в рекруты, взамен настоящих членов своей семьи (*Шульгин, 1897: 295*). Стоит оговориться, что подобное поведение «хозяев» характерно не исключительно для зырян, но и для русских.

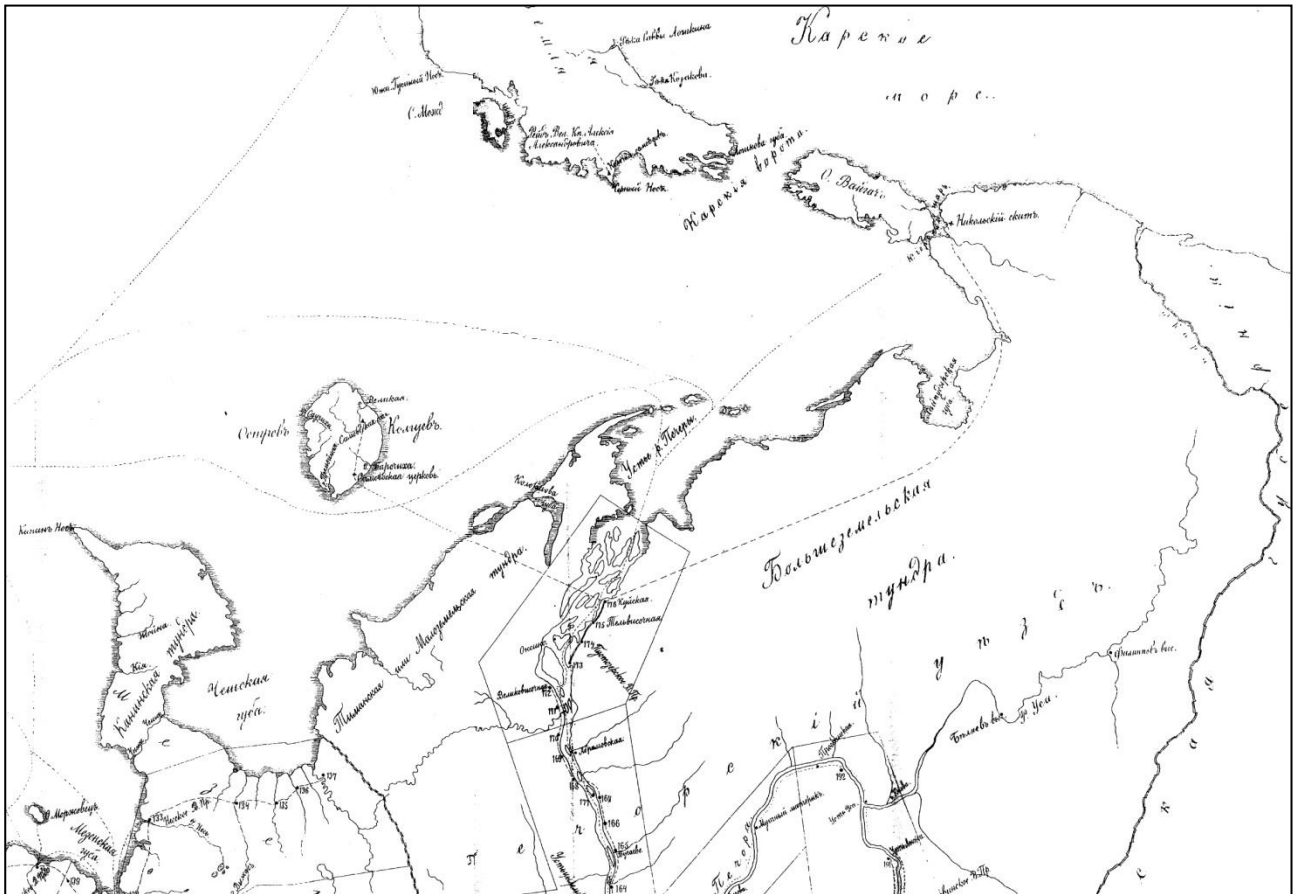
Таким образом, можно сказать, что зыряне по своим занятиям и образу жизни почти не отличались от русских жителей данных уездов. Вследствие постоянных социально-экономических и социокультурных связей с ними, зыряне в некоторых местностях утратили определенные характерные черты, что сказалось на отношении к ним епархиального духовенства. В их повседневной жизни не просматривалось никакой опасности для церкви, и тем более для государства.

Самоеды в Мезенском и Печорском уездах

Авторы Епархиальных ведомостей противоречиво характеризуют самоедов. С одной стороны, представители коренного народа трудолюбивы, терпеливы, верны данному слову, готовы оказать помощь ближнему, с другой – подозрительны, скрытны, недоверчивы. Но вместе с тем, они упрямы, настойчивы в исполнении задуманного. Главная негативная черта самоедов, которая постоянно осуждается на страницах епархиальной прессы, это пьянство. «Пьют как мужчины, так и женщины». Особенно это характерно для летнего периода года, когда самоеды по торговым и промысловым делам встречаются с русскими и зырянами. По свидетельству очевидцев, в местах расселения самоедов начинается повальное пьянство (*Кулаков, 1914: 326*). Также священнослужители не могли не осуждать другую черту местных самоедов. Авторы епархиальной прессы утверждали, что самоеды не имеют понятия о святости брака, многие не венчаны и живут в незаконном сожителе. Никакое родство не признается препятствием к сожитию (*Михайлов, 1898а: 134*). Не редкость и двоеженство; правда, у состоящих в законном браке этого не фиксировалось.

Грамотных среди самоедов было крайне мало. Обучать детей грамоте самоеды-оленеводы, по сути, не имели возможности, так как вели кочевой образ жизни. Ребенок школьного возраста необходим родителям для помощи на промысле или при оленьих кочевьях. Хотя в деле обучения грамоте как раз могли помочь православные миссионеры. В 1831 г. архимандритом Вениамином были представлены в Комиссию духовных училищ при Святейшем Синоде «грамматика» и «словарь», составленные им для изучения самоедского языка, а также перевод «Нового Завета» (*Легатов, 1896: 494*). При этом Вениамин дальновидно предположил, что введение в употребление для самоедского языка букв русского алфавита способствовало бы сближению самоедского языка с русским. Это помогло бы быстрее включить самоедов в единое социокультурное пространство страны.

Священник И. Михайлов отмечал странную для него смесь православия с идолопоклонством в религии самоедов: «веруя в Бога и святых Его угодников, они в тоже время почитают и идолов; Истинного Бога самоеды называют Русским Богом, а идолов – богами самоедскими» (*Михайлов, 1898b: 260*). Авторы заметок о самоедах упоминали, что те всегда в обязательном порядке при посещении церкви брали с собой в тундру свечки, чтобы ставить перед образом своего покровителя, святителя Николая или пророка Ильи. Духовенство воспринимало такое поведение, как благо, не высказывая мнения, что стремление зажечь свечку у образа может быть проявлением следов языческого прошлого у самоедов, в котором были различные практики с идолами.

Рис. 4. Карта расселения самоедов в Мезенском и Печорском уездах Архангельской губернии

Главным препятствием к обращению самоедов в православие, как было описано выше, являлись их хозяева, русские и зыряне. Их поведение само по себе не способствовало формированию положительного представления о вероисповедании, носителем которого они являлись. Из инородцев Архангельской епархии самоеды дольше всех оставались язычниками. Но все же к концу XIX в. они были крещены. Надо сказать, что сделано это было политически грамотно. Архангельский епископ Неофит (Н. Докучаев) составил специальные правила для миссии, в которых прописывалось, что при поддержке гражданских властей и полиции необходимо параллельно с просвещением самоедов заниматься улучшением их жизни, запретить распространение спиртных напитков, не причислять крещенных самоедов к казенным крестьянам, оставлять в ясном положении, и в рекруты не брать (Невский, 1910: 67). Предполагалось, что необходимо начинать обращение в христианскую веру с богачей и старейшин самоедского народа в Пустозерске, который периодически посещали разные семьи. В итоге на начало XX в. самоеды пользовались самоуправлением и выбирали старейшин, которые представляли собой судебную и исполнительную власть, действуя на основании обычая.

Авторы епархиальных ведомостей обращали внимание и на традиционные промыслы самоедов, раскинувшиеся на огромные территории, в том числе ловлю морского зверя. Священник И. Зуев на страницах своей заметки даже опасался, что из-за невнимательного отношения к этому промыслу вскоре инициативу в нем могут перехватить иностранцы (Зуев, 1891: 143). Норвежцы и англичане, пробираясь к берегам Новой Земли и дальше в Карское море, открыто занимались звериными морскими промыслами, имея более совершенные орудия для битья морского зверя и современные суда. Гражданские власти задумались об этом намного позже. Например, в 1912 г. архангельским губернатором С.Д. Бибиковым была организована Канинская экспедиция для естественноисторического обследования Канинского полуострова и Чешской губы. Одной из задач было выяснить, насколько вредным или полезным фактором в деле колонизации этих мест будет отдача в долгосрочную аренду иностранным предпринимателям территории на западной части Канина полуострова (Памятная книжка..., 1914: 67–68). Русские же часто не спрашивали мнения местных самоедов, чтобы здесь поселиться, и колонизировали данную территорию самостоятельно.

Самоеды, живущие на острове Колгуев, считались архангельским духовенством богобоязненными и религиозными (Игумнов, 1910: 780), но при этом местные жители редко посещали богослужения, так как совершались они тогда, когда приезжали командированные священники. Поэтому самоеды Колгуева имели слабое представление о христианской вере и

правилах христианской жизни. Заселение острова самоедами произошло при помощи русских промышленников. Жители Мезени, Пустозерска и окрестных селений нанимали самоедов из Канинской, Тиманской и других тундр и перевозили их на Колгуев. Самоеды должны были заниматься на протяжении всего года ловлей песцов, морских зверей и т.п. В итоге, немногочисленное население острова Колгуев могло бы безбедно существовать, но оно находилось в постоянном долгу у промышленников и торговцев, приезжающих сюда в летнее время из Пустозерской и Ижемской волостей Печорского уезда. Во многом подобное положение объясняется неразвитостью и неграмотностью самоедов, а также пристрастием к спиртным напиткам, которым пользовались «хозяева». Губернская администрация попыталась запретить ввоз сюда и продажу водки, но из-за отсутствия надлежащего надзора за этим остановить пьянство на острове не удавалось.

Остров Вайгач также служил местом богатого звериного и рыбного промысла, для которого сюда ежегодно в начале весны прибывало большое количество промышленников – зырян, пустозерцев, самоедов, которые проживали на острове в течение нескольких месяцев. Некоторые самоеды оставались здесь на зимовку. Отмечались на Вайгаче и остатки языческого культа. Для духовенства было очевидно, что находясь ежегодно долгое время без религиозного назидания, ещё некрепкие в православной вере самоеды, могли вновь отпасть от христианства. Религиозные запросы должны были быть удовлетворены именно православным духовенством. Была предпринята попытка организовать в 1891 г. Никольский скит Веркольского монастыря на берегу пролива Югорский Шар, отделяющего Вайгач от материка. Самоеды, жившие на Югорском Шаре, были особенно рады, когда узнали, что монахи приехали жить постоянно. Они даже готовы были отдавать в скит своих детей для обучения грамоте (*Скит на Югорском шаре...*, 1891: 7). Но суровые климатические условия совершенно не благоприятствовали постоянному проживанию в скиту. Уже через год часть монахов погибла от цинги, а часть вынуждена была вернуться в монастырь. После этого никто из Веркольского монастыря не изъявлял желания отправиться в скит даже на летние месяцы (*Шашков, 1896: 282*). Хотя для церковной власти (как и, вероятно, гражданской) было желательно, чтобы скит снова оживился и стал бы центром духовного просвещения для самоедов.

На Новую Землю самоеды (в количестве 50 человек) были переселены из тундр с их согласия в 1877 г. архангельским гражданским начальством с целью колонизации этих островов (*А.Ш., 1894: 214–215*). Поселение самоедов на архипелаге было признано правительством необходимым для того, чтобы, с одной стороны, эта территория фактически была российской, с другой – чтобы колонисты оказывали помощь промышленникам, по каким-то причинам оставшимся здесь. Кроме того, на архипелаге самоеды могли развивать промысел морского зверя, тогда как в тундрах становилось трудно себя прокормить. Колонисты были размещены сначала в одном из зданий «Главного Общества спасания на водах». Колония постепенно росла и к концу XIX – началу XX вв. составляла около ста человек. Тяжелые жизненные условия, связанные с борьбой со стихиями, белыми медведями, цингой, голодом и холодом, делали архипелаг крайне непривлекательным для заселения. Однако внешнеполитические обстоятельства диктовали необходимость колонизации.

В 1910 г. Союз шкиперов норвежского города Тромсё подверг сомнению права России на северную часть Новой Земли, где они долго и беспрепятственно вели доходный промысел белых медведей и тюленей, и настаивал на рассмотрении дела в международном судебном органе (*Соседи на Крайнем Севере...*, 2001: 208). Постепенное осознание российским правительством значения Севера привело к тому, что колонизация стала предметом интереса государственных властей. Опыт заселения Мурманского берега предлагалось перенести на Новую Землю. Предполагалось даже послать военный корабль к архипелагу и силой выдворить оттуда участников обосновавшейся там на зимовку норвежской промысловой экспедиции. Конфликта удалось избежать благодаря тому, что норвежские власти официально подтвердили российский суверенитет над всем архипелагом, о чем было сделано внушение норвежским промысловикам.

Таким образом, самоеды в конце XIX – начале XX вв. воспринимались как «неразумные дети во Христе». Их положение постоянно притесняемых и подчиненных русским и зырянам могло поставить этнос на грань выживания. Колонизация их силами островов арктического побережья могла лишь отчасти им помочь. Требовалось постоянное внимание гражданских и церковных властей.

5. Заключение

Политика в отношении различных коренных народов, населявших Архангельскую губернию в конце XIX – начале XX вв., была дифференцирована, исходя из их положения. Четыре основных (кроме русских) этноса можно теоретически разложить на определенной шкале вовлеченности в общее социокультурное и внутривластное пространство страны на тот момент. Наиболее близкими к русским оказывались зыряне, которые в своей повседневной практике теряли какие-то специфические черты и в религиозном отношении были частью господствующей конфессии. Далее можно расположить корел, которые были близки к некоему среднестатистическому образу русского крестьянина, но при этом испытывали сильное влияние соседней Финляндии как в экономическом, так и конфессиональном смысле. Третью позицию занимали лопари, ведущие

совершенно самобытный образ жизни, разделенные государственной границей, но при этом считающиеся вовлеченными в социально-экономическое и конфессиональное пространство страны. Наконец, дальше всех на этой шкале оказываются самоеды, формально принадлежавшие к православной церкви и являвшиеся свободными, но сохранявшие следы языческой веры и занимавшие подчиненное положение по отношению к так называемым «хозяевам» из числа русских и зырян, проживающие на территориях, совершенно оторванных от более-менее крупных населенных пунктов, считающихся сосредоточением цивилизации.

Подобная дифференциация, представленная посредством официального печатного органа местной епархии, тем более интересна, что почти вся описанная здесь территория расселения данных коренных народов входит сегодня в Арктическую зону Российской Федерации. При развитии данной территории современное государство должно уделять внимание не только транспорту, ресурсам и обороне, но и местным коренным жителям. Поэтому опыт работы православного духовенства с представителями коренных народов Арктической зоны столетней давности вполне может быть востребован и сегодня.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00104 «Российская Арктика: от концептуализации к эффективной модели государственной этнонациональной политики в условиях стабильного развития регионов»).

Литература

- А.Е., 1902** – А.Е. Из быта корелов Кестенгского прихода, Кемского уезда // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1902. № 23. Неоф. ч. С. 800–808.
- А. М-в., 1896** – А. М-в. Секта Ушковайзет // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1896. № 10. Неоф. ч. С. 309–318.
- А.Ш., 1894** – А.Ш. Крещение самоедских детей // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1894. № 8. Неоф. ч. С. 214–217.
- Бардилева, Грашевская, 2014** – Бардилева Ю.П., Грашевская О.В. Религиозная ситуация на Кольском Севере: вызовы и ответы в истории и современности // *Современные вызовы и угрозы развитию Мурманской области: региональный атлас / отв. ред. Г.В. Жигунова, А.М. Сергеев*. Мурманск: Изд-во МГГУ, 2014. С. 237–245.
- Беленчук, 2007** – Беленчук Л.Н. Из истории послереформенного миссионерства в России. К вопросу просвещения нерусских народов // *Вестник ПСТГУ. IV: Педагогика. Психология*. 2007. Вып. 4 (7). С. 80–101.
- ГААО** – Государственный архив Архангельской области.
- Гоголев, Маякунов, 2014** – Гоголев П.В., Маякунов А.Э. О некоторых аспектах правового развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России (конец XIX – начало XX века) // *Право и государство: теория и практика*. 2014. № 12. С. 150–152.
- Городничева, 2011** – Городничева Н.В. Особенности развития образования в Коми крае в XVIII–XIX вв. // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2011. № 3–3. С. 125–130.
- Ефимова, 2016** – Ефимова В.В. Кто и когда сделал карелов «инородцами»? // *Уральский исторический вестник*. Екатеринбург, 2016. № 4 (53). С. 111–119.
- Зуев, 1891** – Зуев И. Заметки о Пустозерске (ок.) // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1891. № 12. Неоф. ч. С. 139–157.
- Игумнов, 1910** – Игумнов Г. С о. Колгуева // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1910. № 23. Неоф. ч. С. 779–782.
- Ильинский, 1892a** – Ильинский П. Поездка на Печору (из дневника епархиального миссионера) (пр.) // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1892. № 16. Неоф. ч. С. 300–307.
- Ильинский, 1892b** – Ильинский П. Поездка на Печору (из дневника епархиального миссионера) (ок.) // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1892. № 20. Неоф. ч. С. 393–401.
- Из Кемского уезда..., 1888** – Из Кемского уезда. Секта «Ушковайзет» // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1888. № 7–8. Неоф. ч. С. 77–79.
- И.Ш., 1889** – И.Ш. К истории Понойского прихода и Понойских церквей, Кольского уезда // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1889. № 18. Неоф. ч. С. 317–322.
- Квашнин и др., 2006** – Квашнин Ю.Н., Повод Н.А., Волжанина Е.А. Проблемы культурного взаимодействия коми и ненцев на Приобском Севере в конце XIX – начале XXI веков // *Межэтнические взаимодействия и социокультурная адаптация народов Севера России*. Отв. ред. В.И. Молодин, В.А. Тишков. Сост. Е.А. Пивнева. М.: Изд. дом «Стратегия», 2006. С. 279–295.
- Керский, 1889** – Керский С. Трифонопеченгский монастырь // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1889. № 24. Неоф. ч. С. 421–433.
- Кеппен, 1861** – Кеппен П.И. Хронологический указатель для истории инородцев Европейской России. СПб., 1861. URL: http://www.kolamar.ru/library/img/1861_keppen.rar (дата обращения: 10.06.2017).

- К корреспонденции..., 1908** – *К корреспонденции «Из жизни лопарских приходов»*, помещённой в № 6 Арх.Еп.В. 1908 г. // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1908. № 15. Неоф.ч. С. 512–515.
- Козмин, 1900** – *Козмин Н.* Распространение христианства среди русских лопарей (пр.) // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1900. № 10. Неоф.ч. С. 265–271.
- Козмин, 1901** – *Козмин Н.* Печенгский монастырь в Лапландии (ок.) // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1901. № 15. Неоф.ч. С. 380–385.
- Кулаков, 1914** – *Кулаков А.П.* Остров Колгуев и существующая на нем православная церковно-школа (пр.) // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1914. № 14–15. Неоф.ч. С. 324–327.
- Кулаков, 1915** – *Кулаков А.П.* Остров Колгуев и существующая на нем православная церковно-школа (пр.) // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1915. № 11. Неоф.ч. С. 200–206.
- Кураев, 1996** – *Кураев А.В.* Оккультизм в православии / Диакон Андрей Кураев. М.: Благовест, 1998. 380 с. URL: <http://www.wco.ru/biblio/books/kur3-ar/Main.htm> (дата обращения: 29.04.2017).
- Легатов, 1896** – *Легатов И.* К сведениям о попытках составления переводов на самоедский язык некоторых священных и др. книг // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1896. № 18. Неоф.ч. С. 494–503.
- Михайлов, 1898a** – *Михайлов И.* Поезда на Югорский Шар (пр.) // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1898. № 5. Неоф. ч. С. 133–139.
- Михайлов, 1898b** – *Михайлов И.* Поезда на Югорский Шар (ок.) // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1898. № 9. Неоф. ч. С. 257–262.
- НАРК** – Национальный архив Республики Карелия.
- Невский, 1910** – *Невский В.П.* К историческим сведениям об обращении самоедов Архангельской епархии в христианскую веру (нач.) // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1910. № 2. Неоф. ч. С. 64–70.
- Новиков, 1902** – *Новиков В.* Некоторые черты быта ижемских зырян // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1902. № 21. Неоф. ч. С. 716–726.
- Пазрецкая церковно-приходская школа..., 1903** – *Пазрецкая церковно-приходская школа* среди лопарей и влияние её на их быт // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1903. № 13. Неоф. ч. С. 444–451.
- Памятная книжка..., 1908** – *Памятная книжка* Архангельской губернии на 1908 г. Архангельск: Архангельская губернская типография, 1908. 208 с.
- Памятная книжка..., 1914** – *Памятная книжка* Архангельской губернии на 1914 г. Архангельск: Архангельская губернская типография, 1914. 110 с.
- Памятная книжка..., 1915** – *Памятная книжка* Архангельской губернии на 1915 г. Архангельск: Архангельская губернская типография, 1915. 77 с.
- Печорский край..., 1904a** – *Печорский край* (нач.) // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1904. № 18. Неоф.ч. С. 714–729.
- Печорский край..., 1904b** – *Печорский край* (пр.) // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1904. № 20. Неоф.ч. С. 820–833.
- Полное собрание..., 1849** – Полное собрание законов Российской империи с 1849 г. Т. 38. № 29. С. 394–416.
- Положение об инородцах, 1892** – *Положение об инородцах* // Свод законов Российской Империи. СПб. 1892. Т 2.
- Пулькин, 2005** – *Пулькин М.В.* Три облика русификации Карелии // *Вестник Евразии. Независимый научный журнал*. 2005. № 3 (29). С. 107–125.
- Пулькин, 2014** – *Пулькин М.В.* Православные приходы на севере Карелии: этноконфессиональные аспекты пастырской деятельности (вторая половина XIX – начало XX в.) // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 6 URL: <http://human.snauka.ru/2014/06/7051> (дата обращения: 29.04.2017).
- Подвинцев, 2016** – *Российская Арктика* в поисках интегральной идентичности: коллективная моногр. / отв. ред. О.Б. Подвинцев. М.: Новый хронограф, 2016. 208 с.
- Рубан, 2007** – *Рубан В.В.* Правовые обычаи лопарей (саамов) в дореволюционной России / Конституционное общество и проблемы совершенствования законодательства: Сборник научных трудов / Под общ. ред. В.М. Боера; ГУАП. СПб., 2007. С. 44–49.
- Ручьев, 1914** – *Ручьев М.П.* Внебрачность в Корелии // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1914. № 11. Неоф.ч. С. 264–266.
- С.В.М., 1911** – *С.В.М.* Опыт устройства ученического общежития при Пазрецкой лопарской школе // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1911. № 10. Неоф.ч. С. 510–516.
- Скит на Югорском шаре..., 1891** – *Скит на Югорском шаре* (из записок настоятеля Веркольского монастыря, Архангельской губернии, игумена Виталия) // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1891. № 1–2. Неоф.ч. С. 5–22.
- Слёзкин, 2008** – *Слёзкин Ю.* Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / Авторизованный пер. с английского О. Леонтьевой. М.: Новое литературное обозрение. 2008. 512 с.

- Соседи на Крайнем Севере..., 2001 – *Соседи на Крайнем Севере*: Россия и Норвегия: От первых контактов до Баренцева сотрудничества. Мурманск: Кн. изд-во, 2001. 384 с.
- Трофименко, 2009 – Трофименко В.Г. Церковь и граница: деятельность православных церковных братств на территории Кемского уезда Архангельской губернии в начале XX века // *Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2009. № 2. С. 28–33.
- Харузин, 1890 – Харузин Н.Н. Русские лопари: Очерки прошлого и современного быта. М.: Изд-во Товарищества Скоропечатни А.А. Левенсона. 1890. 483 с.
- Чирков, 1908 – Чирков И. Ухтинский приход в религиозно-нравственном и бытовом отношении // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1908. № 7. Неф.ч. С. 210.
- Шабаев и др., 2010 – Шабаев Ю.П., Дронова Т.И., Шаранов В.Э. Коми-ижемцы, поморы и усть-цилемы: модели культурных трансформаций // *Этнографическое обозрение*. 2010. № 5. С. 134–151.
- Шашков, 1896 – Шашков А. Миссия на Югорском Шаре в последнее десятилетие (ок.) // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1896. № 9. Неф.ч. С. 279–288.
- Шульгин, 1897 – Шульгин В. Исторические сведения о просвещении христианством самоедов Архангельской епархии (пр.) // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1897. № 9. Неф.ч. С. 295.
- Юдин, 2012 – Юдин В.И. Эволюция государственной политики России в отношении коренных малочисленных народов Севера // *Власть*. 2012. № 1. С. 29–33.
- Юшкан-ярвен папши, 1912 – Юшкан-ярвен папши А.П. Юшкозерский приход Кемского уезда (к вопросу о современном состоянии Карельских приходов) // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1912. № 5. Неф. ч. С. 124–137.
- Яловицына, 2001 – Яловицына С.Э. Особенности народной психологии и быта приграничного населения (на примере «корельских приходов») // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера. Петрозаводск, 2001. С. 58–61.
- Goldin et al., 2015a – Goldin V.I., Zaikov K.S., Tamitskiy A.M. The Role of the XVIII Century Maps and the Population of the Higher North of Russia and Norway in the Construction of the Borders of the Internal Sovereignty. // *Bylye Gody*. 2015, (4), 38: 861.
- Goldin et al., 2015b – Goldin V.I., Zaikov K.S., Tamitskiy A.M. Sami in the History of the Norwegian-Russian Borderland: Factor of Tension or Regional Integration? // *Bylye Gody*. 2015, (3), 37: 519–535.
- N., 1908 – N. Из жизни лопарских приходов // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1908. № 6. Неф.ч. С. 174–175.
- N., 1908a – N. Тихтозерский приход (к вопросу о современном состоянии корельских приходов) // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1908. № 16. Неф. ч. С. 532.
- Z., 1917 – Z. Из прошлого лопарских приходов // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1917. № 3. Неф.ч. С. 51–56.
- Zaikov, 2016 – Zaikov K.S. The History of the Northern Frontier Delimitation (1822–1826) in the Light of the Russian and European Historiography: the Interpretation and Perceptual Problems. // *Bylye Gody*. 2016, (4), 42: 1164–1172.
- Zaikov, Tamitskiy, 2016 – Zaikov K.S., Tamitskiy A.M. Finnish Factor in the History of the Northern Frontier of the Russian Empire 1809–1855. // *Bylye Gody*. 2016, (3), 41: 621–641.
- Zaikov et al., 2017 – Zaikov K., Tamitskiy A., Zadorin M. Legal and political framework of the federal and regional legislation on national ethnic policy in the Russian Arctic. // *The Polar Journal*. 2017. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/2154896X.2017.1327748> (дата обращения: 10.06.2017).

References

- A.E., 1902 – A.E. (1902). Iz byta korelov Kestengskogo prikhoda, Kemskogo uezda [From the Life of the Karelians of Kesteng Parish, Kemsky Uyezd]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 23. pp. 800–808. [In Russian].
- A. M-v., 1896 – A. M-v. (1896). Sekta Ushkovayzet [Sect Uskovaiset]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 10. pp. 309–318. [In Russian].
- A.Sh., 1894 – A.Sh. (1894). Kreshchenie samoedskikh detey [Baptism of Samoyed Children]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 8. pp. 214–217. [In Russian].
- Bardileva, Grashevskaya, 2014 – Bardileva Y.P., Grashevskaya O.V. (2014). Religioznaya situatsiya na Kol'skom Severe: vyzovy i otvety v istorii i sovremennosti [The Religious Situation in the Kola North: Challenges and Answers in History and Modernity] // *Sovremennyye vyzovy i ugrozy razvitiyu Murmanskoy oblasti: regional'nyy atlas [Modern Challenges and Threats to the Development of the Murmansk Oblast': regional atlas]* / ed. by G.V. Zhigunova, A.M. Sergeev. Murmansk: MSH University Press. pp. 237–245. [In Russian].
- Belenchuk, 2007 – Belenchuk L.N. (2007). Iz istorii poslereformennogo missionerstva v Rossii. K voprosu prosveshcheniya nerusskikh narodov [From the History of Post-reform Missionary Work in Russia. On the Issue of Enlightenment of Non-Russian Peoples]. *Vestnik PSTGU. IV: Pedagogika. Psikhologiya*. Vol. 4 (7). pp. 80–101. [In Russian].
- GAO – Gosudarstvennyy arkhiv Arkhangel'skoy oblasti [State Archive of the Arkhangelsk Oblast].
- Gogolev, Mayakunov, 2014 – Gogolev P.V., Mayakunov A.E. (2014). O nekotorykh aspektakh pravovogo razvitiya korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossii (konets

XIX – nachalo XX veka) [On Some Aspects of the Legal Development of Indigenous Numerically-Small Peoples of the North, Siberia and the Far East of Russia (late XIX – early XX century)]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. Nr 12. pp. 150–152. [In Russian].

Gorodnicheva, 2011 – *Gorodnicheva N.V.* (2011). Osobennosti razvitiya obrazovaniya v Komi krae v XVIII–XIX vv. [Features of the Development of Education in the Komi Land in the XVIII–XIX Centuries]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. Nr 3–3. pp. 125–130. [In Russian].

Efimova, 2016 – *Efimova V.V.* (2016). Kto i kogda sdela karelov «inorodtsami»? [Who and When Did the Karelians “Inorodtsy”?]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. Ekaterinburg. Nr 4 (53). pp. 111–119. [In Russian].

Zuev, 1891 – *Zuev I.* (1891). Zametki o Pustozerske (ok.) [Notes about Puztozersk (ending)]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 12. pp. 139–157. [In Russian].

Igumnov, 1910 – *Igumnov G.* (1910). S o. Kolgueva [From Kolguev Island]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 23. pp. 779–782. [In Russian].

Il'inskiy, 1892a – *Il'inskiy P.* (1892). Poezdka na Pechoru (iz dnevnika eparkhial'nogo missionera) (pr.) [Trip to Pechora (From Diary of a Diocesan Missionary) (sequel)]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 16. Neof.ch. pp. 300–307. [In Russian].

Il'inskiy, 1892b – *Il'inskiy P.* (1892). Poezdka na Pechoru (iz dnevnika eparkhial'nogo missionera) (ok.) [Trip to Pechora (From Diary of a Diocesan Missionary) (ending)]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 20. Neof.ch. pp. 393–401. [In Russian].

Iz Kemskego uezda ..., 1888 – Iz Kemskego uezda. Sekta «Ushkovayzet» [From the Kemsky Uezd. Sect Uskovayset]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. 1888. Nr 7–8. pp. 77–79. [In Russian].

I.Sh., 1889 – *I.Sh.* (1889). K istorii Ponoyskogo prikhoda i Ponoyskikh tserkvey, Kol'skogo uezda [To the History of the Ponoï Parish and the Ponoï Churches, the Kola Uezd]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 18. pp. 317–322. [In Russian].

Kvashnin i dr., 2006 – *Kvashnin Y.N., Povod N.A., Volzhanina E.A.* (2006). Problemy kul'turnogo vzaimodeystviya komi i nentsev na Priobskom Severe v kontse XIX – nachale XXI vekov [Issues of Cultural Cooperation Between the Komi and the Nenets in the Priobskoye North in the Late 19th – Early 21st Centuries] / Mezhetnicheskie vzaimodeystviya i sotsiokul'turnaya adaptatsiya narodov Severa Rossii [Interethnic Interaction and Socio-cultural Adaptation of the Peoples of the North of Russia] (ed. by V.I. Molodin, V.A. Tishkov, comp. by E.A. Pivneva. Moscow: “Strategiya” Press. pp. 279–295. [In Russian].

Kerskiy, 1889 – *Kerskiy S.* (1889). Trifonopechenskiy monastyr' [Trifonopechng Monastery]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 24. pp. 421–433. [In Russian].

Keppen, 1861 – *Keppen P.I.* (1861). Khronologicheskiy ukazatel' dlya istorii inorodtsev Evropeyskoy Rossii [Chronological Index for the History of Foreigners of European Russia]. SPb. URL: http://www.kolamap.ru/library/img/1861_keppen.rar (data: 10.06.2017). [In Russian].

K korrespondentsii..., 1908 – K korrespondentsii “Iz zhizni loparskikh prikhodov”, pomeschennoy v № 6 Arkh.Ep.V. 1908 g. [To the Correspondence “From the life of the Lapar' Parishes”, placed in the Nr 6 Archangel diocesan News of 1908]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. 1908. Nr 15. pp. 512–515. [In Russian].

Kozmin, 1900 – *Kozmin N.* (1900). Rasprostranenie khristianstva sredi russkikh loparey (pr.) [Dissemination of Christianity among Russian Lappers (sequel)]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 10. pp. 265–271. [In Russian].

Kozmin, 1901 – *Kozmin N.* (1901). Pechenskiy monastyr' v Laplandii (ok.) [Pechenga Monastery in Lapland (ending)]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 15. pp. 380–385. [In Russian].

Kulakov, 1914 – *Kulakov A.P.* (1914). Ostrov Kolguev i sushchestvuyushchaya na nem pravoslavnyaya tserkov'-shkola (pr.) [Kolguev Island and the existing Orthodox Church-School (sequel)]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 14–15. pp. 324–327. [In Russian].

Kulakov, 1915 – *Kulakov A.P.* (1915). Ostrov Kolguev i sushchestvuyushchaya na nem pravoslavnyaya tserkov'-shkola (pr.) [Kolguev Island and the existing Orthodox Church-School (sequel)]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 11. pp. 200–206. [In Russian].

Kuraev, 1996 – *Kuraev A.V.* (1996). Okkul'tizm v pravoslavii / Diakon Andrey Kuraev [Occultism in Orthodoxy / Deacon Andrey Kuraev]. Moscow. “Blagovest” Press. 380 p. URL: <http://www.wco.ru/biblio/books/kur3-ap/Main.htm> (data obrashcheniya: 29.04.2017). [In Russian].

Legatov, 1896 – *Legatov I.* (1896). K svideniyam o popytkakh sostavleniya perevodov na samoedkiy yazyk nekotorykh svyashchennykh i dr. knig [To Information About Attempts to Compile Translations into Samoyed Languages of Some Sacred and other Books]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 18. pp. 494–503. [In Russian].

Mikhaylov, 1898a – *Mikhaylov I.* (1898). Poezda na Yugorskiy Shar (pr.) [Trains to The Yugorsky Strait (sequel)]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 5. Neof.ch. pp. 133–139. [In Russian].

Mikhaylov, 1898b – *Mikhaylov I.* (1898). Poezda na Yugorskiy Shar (ok.) [Trains to The Yugorsky Strait (ending)]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 9. pp. 257–262. [In Russian].

NARK – Natsional'nyy arkhiv Respubliki Kareliya [National Archive of the Karelia Republic].

Nevskiy, 1910 – *Nevskiy V.P.* (1910). K istoricheskim svideniyam ob obrashchenii samoedov Arkhangel'skoy eparkhii v khristianskuyu veru (nach.) [To Historical Information about the Conversion of Arkhangel'skoy eparkhii v khristianskuyu veru (nach.)] [To Historical Information about the Conversion of

- the Samoyeds of the Archangel Diocese into the Christian Faith (beginning)]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 2. pp. 64–70. [In Russian].
- Novikov, 1902** – *Novikov V.* (1902). Nekotorye cherty byta izhemsikh zyryan [Some Features of the Life of Izhma Zyryan People]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 21. pp. 716–726. [In Russian].
- Pazretskaya tserkovno-prikhodskaya shkola..., 1903** – *Pazretskaya tserkovno-prikhodskaya shkola* sredi loparey i vliyanie ee na ikh byt [Pazretsky Parochial School among the Lappers and its Influence on their Way of Life]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. 1903. Nr 13. pp. 444–451. [In Russian].
- Pamyatnaya knizhka..., 1908** – *Pamyatnaya knizhka* Arkhangel'skoy gubernii na 1908 g. [Memorable Book of Arkhangelsk Governorate of 1908]. Arkhangel'sk: Arkhangel'skaya gubernskaya tipografiya. 1908. 208 p. [In Russian].
- Pamyatnaya knizhka..., 1914** – *Pamyatnaya knizhka* Arkhangel'skoy gubernii na 1914 g. [Memorable Book of Arkhangelsk Governorate of 1914]. Arkhangel'sk: Arkhangel'skaya gubernskaya tipografiya. 1914. 110 p. [In Russian].
- Pamyatnaya knizhka..., 1915** – *Pamyatnaya knizhka* Pamyatnaya knizhka Arkhangel'skoy gubernii na 1915 g. [Memorable Book of Arkhangelsk Governorate of 1915]. Arkhangel'sk: Arkhangel'skaya gubernskaya tipografiya. 1915. 77 p. [In Russian].
- Pechorskiy kray..., 1904a** – *Pechorskiy kray* (nach.) [Pechorsky Land (beginning)]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. 1904. Nr 18. pp. 714–729. [In Russian].
- Pechorskiy kray..., 1904b** – *Pechorskiy kray* (pr.) [Pechorsky Land (sequel)]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. 1904. Nr 20. pp. 820–833. [In Russian].
- Polnoe sobranie..., 1849** – *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii s 1849 g.* [Complete collection of laws of the Russian Empire since 1849]. Vol. 38. Nr 29. pp. 394–416.
- Polozhenie ob inorodtsakh, 1892** – *Polozhenie ob inorodtsakh* [Regulations on Inorodtsy] / Svod zakonov Rossiyskoy Imperii [Code of Laws of the Russian Empire]. SPb. 1892. T. 2. [In Russian].
- Pul'kin, 2005** – *Pul'kin M.V.* (2005). Tri oblika rusifikatsii Karelii [Three forms of Russification of Karelia]. *Vestnik Eurazii. Nezavisimyy nauchnyy zhurnal*. Nr 3 (29). pp. 107–125. [In Russian].
- Pul'kin, 2014** – *Pul'kin M.V.* (2014). Pravoslavnye prikhody na severe Karelii: etnokonfessional'nye aspekty pastyrskoy deyatelnosti (vtoraya polovina XIX–nachalo XX v.) [Orthodox Parishes in the North of Karelia: Ethnoconfessional Aspects of Pastoral Activity (Second Half of XIX – beginning of XX Century)]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*. Nr 6. URL: <http://human.snauka.ru/2014/06/7051> (data: 29.04.2017). [In Russian].
- Podvintsev, 2016** – *Rossiyskaya Arktika v poiskakh integral'noy identichnosti: kollektivnaya monogr.* [The Russian Arctic in Search of an Integral Identity: a Collective Monograph] / ed. by O.B. Podvintsev. Moscow: “Novyy khronograf” [New chronograph Press]. 2016. 208 p. [In Russian].
- Ruban, 2007** – *Ruban V.V.* (2007). Pravoye obychai loparey (saamov) v dorevolyutsionnoy Rossii [Legal Customs of Lapps (Saami) in Pre-revolutionary Russia] / Konstitutsionnoe obshchestvo i problemy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva: Sbornik nauchnykh trudov [The Constitutional Society and the Issues of Improving Legislation: Collection of Scientific Papers] / ed. by V.M. Boer; SUAI University Press. SPb. pp. 44–49. [In Russian].
- Ruch'yev, 1914** – *Ruch'yev M.P.* (1914). Vnebrachnost' v Karelii [Extramarieness in Karelia]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 11. pp. 264–266. [In Russian].
- S.V.M., 1911** – *S.V.M.* (1911). Opyt ustroystva uchenicheskogo obshchegzhitiya pri Pazretskoy loparskoy shkole [The Experience of the Arrangement of the Student Hostel Life at the Pazretsky Lappish School]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 10. pp. 510–516. [In Russian].
- Skit na Yugorskom share..., 1891** – *Skit na Yugorskom share* (iz zapisok nastoyatelya Verkol'skogo monastyrya, Arkhangel'skoy gubernii, igumena Vitaliya) [Sket on the Ugorsky Strait (from the Notes of the Head of the Verkolsky Monastery, Archangelsk Governorate, Hegumen Vitaly)]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. 1891. Nr 1–2. pp. 5–22. [In Russian].
- Slezkin, 2008** – *Slezkin Yu.* (2008). Arkticheskie zerkala: Rossiya i malye narody Severa [Arctic mirrors: Russia and the Small peoples of the North] / Authorized translation from English by O. Leontieva. Moscow. “Novoe literaturnoe obozrenie” Press. 512 p. [In Russian].
- Sosedi na Kraynem Severe..., 2001** – *Sosedi na Kraynem Severe: Rossiya i Norvegiya: Ot pervykh kontaktov do Barentseva sotrudnichestva* [Neighbors in the Far North: Russia and Norway: From the First Contacts to the Barents Cooperation]. Murmansk. 384 p. [In Russian].
- Trofimenko, 2009** – *Trofimenko V.G.* (2009). Tserkov' i granitsa: deyatelnost' pravoslavnykh tserkovnykh bratstv na territorii Kemsckogo uezda Arkhangel'skoy gubernii v nachale XX veka [The Church and the Border: the Activities of Orthodox Church Brotherhoods on the Territory of the Kemscky Uyezd of the Arkhangelsk Governorate at the Beginning of the Twentieth Century]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. Nr 2. pp. 28–33. [In Russian].
- Kharuzin, 1890** – *Kharuzin N.N.* (1890). Russkie lopari: Ocherki proshlogo i sovremennogo byta [Russian Lapps: Essays on the Past and Modern Life]. Moscow. Izd-vo Tovarishchestva Skoropechatni A.A. Levensona. 483 p. [In Russian].

Chirkov, 1908 – Chirkov I. (1908). Ukhtinskiy prikhod v religiozno-nravstvennom i bytovom otnoshenii [Ukhta Parish in Religious, Moral and Everyday Life]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 7. p. 210. [In Russian].

Shabaev i dr., 2010 – Shabaev Y.P., Dronova T.I. Sharapov V.E. (2010). Komi-izhemtsy, pomory i ust'-tsilemy: modeli kul'turnykh transformatsiy [Komi-Izhma People, Pomors and Ust-Tsilma People: Models of Cultural Transformations]. *Etnograficheskoe obozrenie*. Nr 5. pp. 134–151. [In Russian].

Shashkov, 1896 – Shashkov A. (1896). Missiya na Yugorskom Share v poslednee desyatiletie (ok.) [Mission to the Yugorsky Strait during the Last Decade (ending)]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 9. pp. 279–288. [In Russian].

Shul'gin, 1897 – Shul'gin V. (1897). Istoricheskie svedeniya o prosveshchenii khristianstvom samoedov Arkhangel'skoy eparkhii (pr.) [Historical Information on the Enlightenment of Christianity of Samoyeds of the Archangel Diocese (sequel)]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 9. pp. 295. [In Russian].

Yudin, 2012 – Yudin V.I. (2012). Evolyutsiya gosudarstvennoy politiki Rossii v otnoshenii korennykh malochislennykh narodov Severa [Evolution of State Policy of Russia towards Indigenous Numerically-Small Peoples of the North]. *Vlast'*. Nr 1. pp. 29–33. [In Russian].

Yushkan-yarven pappi, 1912 – Yushkan-yarven pappi A.P. (2012). Yushkozerskiy prikhod Kemskego uezda (k voprosu o sovremennom sostoyanii Karel'skikh prikhodov) [Yushkozero Parish of Kemsky Uyezd (to the Question of the Current State of the Karelian Parishes)]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 5. pp. 124–137. [In Russian].

Yalovitsyna, 2001 – Yalovitsyna S.E. (2001). Osobennosti narodnoy psikhologii i byta prigranichnogo naseleniya (na primere «karel'skikh prikhodov») [Peculiarities of Folk Psychology and Everyday Life of the Frontier Population (On the Example of “Karelian Parishes”)] // «Svoe» i «chuzhoe» v kul'ture narodov Evropeyskogo Severa [“Own” and “Alien” in the Culture of the Peoples of the European North]. *Petrozavodsk*. pp. 58–61. [In Russian].

Goldin et al., 2015a – Goldin V.I., Zaikov K.S., Tamitskiy A.M. (2015). The Role of the XVIII Century Maps and the Population of the Higher North of Russia and Norway in the Construction of the Borders of the Internal Sovereignty. *Bylye Gody*. (4), 38: 861.

Goldin et al., 2015b – Goldin V.I., Zaikov K.S., Tamitskiy A.M. (2015). Sami in the History of the Norwegian-Russian Borderland: Factor of Tension or Regional Integration? *Bylye Gody*. (3), 37: 519–535.

N., 1908 – N. (1908). Iz zhizni loparskikh prikhodov [From the Life of the Lappish Parishes]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 6. pp. 174–175. [In Russian].

N., 1908a – N. (1908). Tikhtozerskiy prikhod (k voprosu o sovremennom sostoyanii karel'skikh prikhodov) [Tikhtozerskiy Parish (to the Question of the Current State of the Karelian parishes)]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 16. pp. 532. [In Russian].

Z., 1917 – Z. (1917). Iz proshlogo loparskikh prikhodov [From the Past Lappish Parishes]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 3. pp. 51–56. [In Russian].

Zaikov, 2016 – Zaikov K.S. (2016). The History of the Northern Frontier Delimitation (1822–1826) in the Light of the Russian and European Historiography: the Interpretation and Perceptual Problems. *Bylye Gody*. (4), 42: 1164–1172.

Zaikov, Tamitskiy, 2016 – Zaikov K.S., Tamitskiy A.M. (2016). Finnish Factor in the History of the Northern Frontier of the Russian Empire 1809–1855. *Bylye Gody*. (3), 41: 621–641.

Zaikov et al., 2017 – Zaikov K., Tamitskiy A., Zadorin M. (2017). Legal and political framework of the federal and regional legislation on national ethnic policy in the Russian Arctic. *The Polar Journal*. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/2154896X.2017.1327748> (data obrashcheniya: 10.06.2017).

УДК 94(470+98)

Этнополитический ландшафт Архангельской губернии на рубеже: веков конец XIX – начало XX вв. (по материалам епархиальной прессы)

Илья Федорович Верещагин^{a, *}, Максим Юрьевич Задорин^a

^a Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья подготовлена на основе анализа исторических документов, научной литературы и публицистики, в частности епархиальной прессы XIX – начала XX века, по вопросу оценки этнополитического ландшафта Архангельской губернии на рубеже веков. Авторы сосредотачивают свое внимание на исторических, социальных, религиозных и правовых предпосылках формирования этнополитического ландшафта Архангельской губернии, являвшейся домом для четырех имперских «инородческих» этносов: саамов, карелов, ненцев и коми. Авторами на

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: i.vereschagin@narfu.ru (И.Ф. Верещагин), m.zadorin@narfu.ru (М.Ю. Задорин)

основе данных официального печатного органа местной епархии презентуется теоретический концепт вовлеченности «инородцев» в общее социокультурное и внутривластное пространство Империи. В статье анализируются образ жизни коренного населения, быт, нравы, социальное расслоение, этнокультурная специфика, мировоззренческие и религиозные и иные особенности, а также взаимодействие с русским населением, чиновничьим и церковным аппаратом. Локализация исследовательского компонента на одной из самых больших исторических территорий Русского Севера и российской Арктики позволяет более узко и детально рассмотреть губернскую этнокультурную специфику. Проведенный ретроспективный анализ позволяет взглянуть на этнополитику современной России с учетом региональной специализации. Этнокультурная проблематика, рассматриваемая в статье, обладает принципиальной важностью в связи с общественно политической и историко-правовой дискуссией по вопросу культурных коллективных прав малочисленных этнических групп: коренных народов и национальных меньшинств. Особое внимание уделяется историческому опыту работы православного духовенства по инкорпорированию локальных этнических групп в общерусское духовное пространство в целях содействия территориальному и культурному единству Имперской России.

Ключевые слова: Архангельская губерния, инородцы, этнополитика, Арктика, коренные народы.